

Тон Цзи Хунчэна был крайне бесцеремонным. Хо Уцзю сразу понял: это письмо изначально предназначалось для глаз Цзян Суйчжоу. В конце концов, Цзи Хунчэн, каким бы глупцом он ни был, не мог всерьез полагать, что его послание так легко попадет в руки пленника, минуя взор хозяина поместья.

В письме он подробно перечислил все «злодеяния» Цзян Суйчжоу за то утро. Начиная с их случайной встречи у ворот и заканчивая той несусветной чушью, которую принц нес в тронном зале — по поводу каждого эпизода Цзи Хунчэн разражался длинными гневными тирадами. Будучи неотесанным воякой, к концу письма он окончательно распалился и вернул несколько таких площадных ругательств, что бумагу было стыдно держать в руках.

По сути, он использовал это письмо как способ заочно ткнуть Цзян Суйчжоу пальцем в нос и обложить его последними словами.

По мере чтения уголки губ Хо Уцзю непроизвольно поползли вверх. Он и представить не мог, что этот «ваше высочество», который при нем ведет себя тише воды ниже травы и взвешивает каждое слово по полчаса, за его спиной разыгрывает такого заносчивого самодура. Да еще настолько убедительно, что сумел обвести вокруг пальца весь двор.

«Предается утехам»? «Дик и строптив», поэтому пришлось применить «средства»?

Пальцы Хо Уцзю невольно коснулись края бумаги, медленно поглаживая его. Ему вдруг нестерпимо захотелось увидеть своими глазами, как именно Цзян Суйчжоу с таким торжествующим видом произносил эти слова.

Стоявший за его спиной Сунь Юань едва дышал от страха. В неверном свете свечи он видел, как господин Хо, прочитав что-то в письме, расплывается в улыбке, которая становилась все шире. Черты лица генерала и без того были резкими и холодными, а в этот миг он стал похож на затаившегося в тени зверя, готового в любой момент броситься вперед и перегрызть жертве горло.

Хо Уцзю дочитал до конца. Но вместо того чтобы отложить письмо, он замер, вернулся к началу и принялся внимательно перечитывать его снова.

«...Это еще что за дела?!» — ужаснулся Сунь Юань.

Ему на миг показалось, что он вручил Хо Уцзю не записку от чиновника, а секретный план покушения на императора. Иначе с чего бы пленнику проявлять такой живой интерес?

«Может, все-таки стоит шепнуть словечко Ван-е?..»

В этот момент пламя свечи на столе дрогнуло, а за окном послышались тихие шаги. Должно быть, Цзян Суйчжоу вернулся. Сунь Юань, тоже услышав звуки, поспешно шагнул вперед и снял стеклянный колпак с лампы, знаками умоляя Хо Уцзю немедленно сжечь письмо.

Хо Уцзю поднес бумагу к огню. Но в тот миг, когда язычок пламени уже готов был лизнуть край листа, он замер. Сунь Юань ошарашенно уставился на него. Хо Уцзю помедлил мгновение и... спрятал письмо обратно. Он аккуратно сложил его и убрал за пазуху.

Слуга онемел от такой наглости. Хо Уцзю поднял на него взгляд — спокойный, холодный и совершенно непроницаемый. От улыбки не осталось и следа.

— Чего застыл? — спросил он.

Его глаза, глубокие и черные как смоль, казалось, видели человека насквозь, до самой души. Сунь Юань вздрогнул и под аккомпанемент приближающихся шагов трясущимися руками водрузил колпак лампы на место.

Цзян Суйчжоу вернулся в поместье в глубокой ночи. Утренняя аудиенция вымотала его в край, а последовавший за ней рабочий день в министерстве окончательно лишил сил — к закату его ноги уже заплетались. К счастью, Цзи Ю, зная о его слабом здоровье, не стал наседать и переложил добрую половину дел принца на своих учеников. Только благодаря этому Цзян Суйчжоу смог вернуться домой сейчас.

Он добрался до своего двора на паланкине и вошел в комнату, чувствуя тяжесть в голове. Мучимый жаждой, он опустился за стол и велел Мэн Цяньшаню налить чаю.

Евнух, видя мертвенную бледность хозяина, поспешно подал чашку и, склонившись, спросил:

— Как Ван-е себя чувствует? Позвольте мне послать за лекарем, пусть проверит ваш пульс?

Цзян Суйчжоу отмахнулся. Его голос при ответе звучал хрипло и прерывисто:

— Не нужно.

Он понимал, что это состояние — чистой воды истощение. Чем ждать лекаря и возиться с ним до середины ночи, лучше лечь пораньше.

Мэн Цяньшань с тревогой повиновался и отступил в сторону. Цзян Суйчжоу сделал несколько глотков чая, и, когда в горле перестало перешить, ему полегчало. Он поставил чашку, собираясь идти умываться, как вдруг заметил на столе конверт. Тот выглядел изящно и утонченно, напоминая любовное послание от какой-нибудь барышни.

Принцу стало любопытно:

— От кого это письмо?

Мэн Цяньшань сам принимал его сегодня, чтобы передать Хо Уцзю, так что он прекрасно знал содержимое. Увидев шанс «наябедничать» на обидчиков, он тут же подскочил:

— Докладываю Ван-е: это от супруги господина Чэнь Ти!

«Чэнь Ти?» — Цзян Суйчжоу нахмурился.

Хоть тот и был всего лишь столичным чиновником пятого ранга, он приходился дальним родственником Пан Шао. Особыми талантами сей муж не блистал, зато был мастером подковерных игр и лести, благодаря чему неплохо устроился в столице. Зачем его жене слать письма сюда?

Видя недоумение хозяина, Мэн Цяньшань добавил:

— Письмо адресовано господину Хо.

Цзян Суйчжоу взглянул на Хо Уцзю. Тот лишь безучастно приподнял веки.

— Любование цветами, — сухо и ровно произнес генерал.

Любование цветами? Цзян Суйчжоу вскрыл конверт и вытащил лист. Это действительно было приглашение Хо Уцзю посетить через месяц задний двор семейства Чэнь для осмотра сада. Брови принца сошлись на переносице. Не дочитав, он скомкал бумагу вместе с конвертом и всучил Мэн Цяньшаню.

«Что ни человек — то дрянь».

Государство Цзин докатилось до такой нищеты и слабости именно из-за этого никчемного императора и толпы подхалимов при дворе. Вместо того чтобы думать, как поднять страну и противостоять Северной Лян, они целыми днями изощряются в способах унижить вражеского пленника, будто это поможет им вернуть достоинство побитых собак.

Утром император заставил его вести Хо Уцзю на банкет, а теперь еще и какой-то мелкий чиновник решил поразвлечься за счет генерала. Цзян Суйчжоу был настолько измотан, что копившееся весь день раздражение вырвалось наружу. Обычно сдержанный в эмоциях, на этот раз он заговорил с явным гневом в голосе:

— Откуда принесли, туда и верните.

Мэн Цяньшань вздрогнул:

— Ван-е...

— Что? У меня нет желания смотреть на его облезлые цветы в саду, есть вопросы? — ледяным тоном бросил Цзян Суйчжоу.

Евнух закивал, не смея перечить. В этот момент заговорил Хо Уцзю:

— Этот человек явно действует по указке Пан Шао. Они не отступят, пока не добьются своего.

Цзян Суйчжоу, собиравшийся снова приложиться к чаю, замер, услышав низкий голос, и обернулся к Хо Уцзю. Тот спокойно продолжал, глядя на него из своего кресла:

— Они метят в меня. Тебя это не касается.

Хо Уцзю понимал: пока он в Южном Цзине, таких нападков не избежать. То, что ему пару раз удалось их миновать — целиком заслуга Цзян Суйчжоу, который принимал удар на себя. Но каждый раз, когда принц его защищает, эти люди пытаются «откусить» от него самого кусок побольше. Сколько еще сокроищ у этого принца Цзин, чтобы бесконечно заслонять его собой? Он не хотел быть трусом, прячущимся за чужой спиной, и не хотел, чтобы кто-то расплачивался за него.

Закончив говорить, он заметил, как во взгляде Цзян Суйчжоу промелькнуло оцепенение. Сердце Хо Уцзю почему-то пропустило удар, и он поспешно отвел глаза.

«Только бы принц не навоображал себе лишнего. Я просто хочу провести черту и не нуждаюсь в его жертвенной доброте...»

Однако хриплый голос Цзян Суйчжоу стал еще тише:

— «Не касается»? — он горько усмехнулся. — Ты вошел в мой дом как супруга, как это может меня не касаться? Или ты думаешь, что если ты, взрослый мужчина, пойдешь в цветник к бабам, то это не ударит по моей репутации?

Бросив эту фразу, Цзян Суйчжоу ушел во внутренние покои умыться. Шагая, он мысленно ворчал: «Вот если через три года ты не отрубишь мне голову и даруешь жизнь — тогда это точно не будет меня касаться!»

Он прекрасно понимал: раз мелкая сошка посмела прислать такое письмо в княжеское поместье, значит, за ним стоит Пан Шао. А Пан Шао поддерживает это по одной причине — такие выходки льстят императору.

За это время Цзян Суйчжоу уже научился худо-бедно отбиваться от нападков этой своры. Пока можно защищаться — он будет это делать, а там видно будет. Умывшись и немного отмокнув в горячей воде, он вышел. Усталость навалилась с новой силой; тело стало легким и ватным, хотелось лишь рухнуть в постель.

Но едва он вошел в спальню и направился к своей кушетке, как нос к носу столкнулся с Хо Уцзю. Тот сидел прямо на его кушетке и молча читал.

«...Он что творит?» Цзян Суйчжоу замер в замешательстве.

Хо Уцзю поднял голову и с каменным лицом кивнул в сторону большой кровати.

— Ложись там, — его голос был сухим и коротким, словно он отдавал приказ своим солдатам.

Цзян Суйчжоу не сразу нашелся с ответом и посмотрел на кровать. Постель была идеально заправлена, а на прикроватном столике лежала пилюля.

— И лекарство на столе выпей, — добавил Хо Уцзю.

<http://bllate.org/book/16965/1579658>